

**ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ СТРАТЕГИИ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2050 ГОДА**
(геоэкономический подход: базовые акценты и основания
научно-концептуального и государственно-
доктринального плана)¹
(Статья первая)

КОЧЕТОВ Эрнест Георгиевич – Президент общественной академии наук геоэкономики и глобалистики, заведующий Центром стратегических исследований геоэкономики НИИВС ГУ–ВШЭ, доктор экономических наук

- «Остро встаёт вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». (Из Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию).
- Среди основных и масштабных вызовов России – **«вызов геоэкономический... Россия должна эффективно действовать в геоэкономическом пространстве»** (Политический доклад «План Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия»).
- Считать в качестве ключевой задачи и базового подхода по приоритетным направлениям развития страны в новом столетии: **«разработку и принятие новой доктрины развития России в XXI веке и разработку стратегического арсенала её реализации, исходя из общих тенденций геоэкономического развития»**. (Совет Федерации РФ).

Почему я ставлю вопрос о 50-ом годе? Причины три. *Первая*. Грандиозность задач. Стратегия до 20-го года – только первая историческая фаза! *Вторая*. Я реалист, сломать микояновско-патолитчевскую модель не удалось. *Третья*. Те, кому по плечу такие задачи, только пошли в школу. А теперь аргументы.

* * *

Россия. Ход истории на современном этапе выдвигает на передний план новые задачи. Они служат ориентирами и не только для научного поиска.

Повестка: кардинальный отход от «конъюнктуры сегодняшнего дня» к стратегическому планированию своего развития. Эта тенденция просматривается по широкому кругу сфер как внутреннего, так и внешнего порядка. Последнее особо примечательно. Осознание единства нашего мира, его взаимосвязанности и взаимозависимости предопределяет постановку фундаментального вопроса: как в сжатое по историческим меркам время совершить своего рода «стратегический манёвр», который приведёт «...к превращению России в одного из глобальных лидеров...»². И здесь нельзя допустить стратегической ошибки: важно правильно выбрать 1) стержень и 2) центральный нерв прорыва. Безусловно, ими для России выступают 1) экономика; 2) «разбуженный» к творчеству человек. Россия устала от идеологических шарад, бесплодного витийства. Нужен

---

¹ © Кочетов Э.Г., 2008.

² Основные параметры прогноза социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020–2030 годов (Приложение к Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации). Проект. С. 326.

«железный» прагматизм (маргиналы, жаждущие «железной руки» и «внешнеторговцы» старого «холодного» закала могут не волноваться – речь идёт не о свалке истории) и реальная свобода и ценность творческого начала. Почему экономика? История учит: тот, кто не умеет или не желает обустроить себя экономически, а в наше глобальное время – геоэкономически, тот обречён на нищету, голод¹, гибель, будь то страна, империя или отдельный человек. Почему свободный человек? Та же история учит (наша история, не так далёкая!): забитый, замордованный «труженик» продукцией из-под идеологической палки обрёл страну на тотальную неконкурентоспособность. А оружие? По большому счёту, с точки зрения экономики, военное производство есть способ выбрасывания в море огромной части мирового валового национального продукта, способ национального изматывания, истощения.

Итак, задача по выходу России в глобальное лидерство предопределяет и сферу деятельности – внешнюю экономическую арену. А для этого нужна стратегия. Что заложить в её основания? Какие современные тенденции предопределяют контур внешнеэкономического развития России? Об этом моя статья.

Контекст стратегического построения современной ВЭС

Современная долговременная стратегия внешнеэкономического развития России должна выстраиваться в следующих контекстах:

1. **Чётко обозначился новый, инновационный² этап в поступательном развитии России – выход на новую парадигму.** В её основаниях лежат несколько фундаментальных блоков. *Первое.* Стратегический курс на масштабную модернизацию всего промышленно-экономического комплекса России, с выходом к 2020 году на постиндустриальную модель развития. *Второе.* Широкоформатная хозяйственная интеграция России в мировую глобализирующуюся систему как одно из условий реализации намеченного стратегического курса. *Третье.* Кардинальный поворот в воззрениях на роль и место внешнеэкономических связей (ВЭС) и внешнеэкономической политики (ВЭП) в реализации крупномасштабных задач. При этом речь идёт о глубоком переосмыслении самой сущности ВЭС и ВЭП, их «природы», которая лежит в **геоэкономических моделях** современного мироустройства.

2. **Наращение кризиса мировой системы.** Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, открывая 23 сентября 2008 года общеполитическую дискуссию на 63-ей сессии Генеральной ассамблеи ООН заявил: «Все мы осознаем опасности текущего момента. Мы столкнулись с глобальным финансовым кризисом, глобальным энергетическим кризисом, глобальным продовольственным кризисом... Переговоры по торговле снова провалились. Мы видели новые вспышки войны и насилия, слышали новую риторику конфронтации. Изменение климата с еще большей очевидностью угрожает планете. Но перед нами стоит еще один кри-

¹ Каждый пятый житель России периодически недоедает. Такие данные представила исследовательская компания Gallup. Согласно исследованию Россия вошла в число десяти самых недоедающих стран мира (Камерун, Нигерия, Гана, Пакистан, Филиппины, Перу, Боливия, Гватемала, Мексика, Россия.) <http://news.mail.ru/society/2115724/>

² **Инновации следует рассматривать в широкоформатном аспекте:** инновации затрагивают не только производственно-технологическую сферу, но и широкий спектр других общественных сфер: экономику, финансы, политику, культуру и т. д.

зис – другого рода, который не знает границ и касается всех государств, который осложняет все вышеназванные проблемы – это вызов глобального лидерства»¹.

3. Рельефно проявил себя контур новой внешней политики России. Она основывается на пяти позициях, которые обозначил Президент Российской Федерации Д.А. Медведев:

«Первая позиция – Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами. И в рамках этих принципов, этой концепции международного права, мы и будем развивать наши отношения с другими государствами.

Второе – мир должен быть многополярным. Однополярность неприемлема. Доминирование – недопустимо. Мы не можем принять такое мироустройство, в котором все решения принимаются одной страной, даже такой серьезной и авторитетной, как Соединенные Штаты Америки. Такой мир – неустойчив и грозит конфликтами.

Третье – Россия не хочет конфронтации ни с одной страной. Россия не собирается изолироваться. Мы будем развивать настолько, насколько это будет возможно наши дружеские отношения и с Европой, и с Соединенными Штатами Америки, и с другими странами мира.

Четвертое – безусловным приоритетом является для нас защита жизни и достоинства наших граждан, где бы они ни находились. Из этого мы будем исходить при осуществлении своей внешней политики. Мы будем также защищать интересы нашего предпринимательского сообщества за границей. И всем должно быть понятно, что если кто-то будет совершать агрессивные вылазки, тот будет получать на это ответ.

И, наконец, *пятое*. У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах. И развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями. Вот из этого я буду исходить при осуществлении нашей внешней политики»².

4. Перед Россией чётко обозначились контуры исторических вызовов. Среди основных и масштабных вызовов России был назван «*вызов геоэкономический... Россия должна эффективно действовать в геоэкономическом пространстве*» (Политический доклад «План Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия», см.: <http://www.edinros.ru/news.html?id=124222>).

5. Реальные опасности. Со стороны «внешнего» глобального фактора: по мнению известного политолога С.А. Караганова нарастает схватка между «старым западным» капитализмом и «новым не западным», между «старыми» и «новыми» игроками на мировой капиталистической арене. «Главное содержание «новой эпохи», или новой «холодной войны», – это контратака старого Запада, пытающегося сохранить или восстановить утраченные позиции... Главная цель игры, которую нам навязывают сознательно или бессознательно: сорвать модернизацию России. Поскольку выяснилось, что эта модернизация ведет не к

¹ <http://ntws.mail.ru/politics/2040131/>; «Ведомости», 23.09.08.

² Полный текст интервью Президента России Дмитрия Медведева от 31 августа 2008 года российским телеканалам «Россия», Первый канал и НТВ. <http://news.mail.ru/politics/1984248/et>

созданию вассала, а возрождению конкурента»¹. Со стороны «внутреннего», локального фактора: в России идёт схватка между изоляционизмом и интеграцией в мировую экономику, между мобилизационной экономикой закрытого типа и свободной, открытой экономикой рыночного типа. «Невроз» суверенизации перерубает внешнеэкономические связи, отсекает от источника современных технологий и реальных инвестиций для модернизации экономики. Приверженцы отжившей торговой (микояновской) модели вновь поднимают голову. Это делает вектор внешнеэкономической политики крайне неустойчивым и неопределённым.

Приведённые выше контекстные блоки во многом будут определять реальную внешнеэкономическую стратегию России. В этой связи логично прояснить некоторые фундаментальные основания и истоки происходящих на мировой арене «пертурбаций» и осознать те акценты, которые уже расставляются при выстраивании национальной системы ВЭС и ВЭП.

Базовые стратегические ориентиры и ситуационные акценты

Важнейшим ориентиром для внешнеэкономической политики России в условиях перехода экономики страны на инновационный путь развития и углубления интеграции в мировое хозяйство служат государственно-доктринальные установки стратегического плана. Среди них первостепенные:

- Россия реально приступила к освоению глобального геоэкономического пространства, тем самым идёт последовательная работа по реализации стратегической установки Послания по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию о «разработке и принятии новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала её реализации, переходе на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей».

- Важность всемерного усиления этого направления особо подчёркнута в документах высшего политического звучания: Россия выходит на арену «нового», качественно преображённого глобализацией мира: геоэкономического – кластерно-сетевое, геофинансового, геоинформационного. Чётко обозначились контуры исторических вызовов. Важнейшие среди них – геоэкономический² и технологический.

- Необходимо преодолеть геополитическое ослепление – этот опаснейший рецидив прошлого, XX века³. Система ВЭС России инфицируется геополитикой. Необходимо учесть, что наметившийся парадигмальный поворот в развитии России протекает не в простых условиях. Помимо того что, новые вы-

¹ Сергей Караганов. Ловушки «холодной войны» // Российская газета. 29.08.08. С. 9.

² Российская научная мысль была готова к такому повороту событий. Ещё в 1995 году был поставлен вопрос о сути геоэкономического вызова и его природе (см.: Кочетов Э.Г. Геоэкономический вызов России // Россия и современный мир. ИНИОН РАН. № 4. 1995. Эта статья для российской школы геоэкономики и глобалистики имеет знаковый характер. Через 12 лет после её опубликования, идеи, заложенные в статье, были востребованы на самом высоком доктринально-государственном уровне: в политическом докладе «План Путина – достойное будущее великой страны» на VIII съезде партии «Единая Россия» среди основных и масштабных вызовов России был назван «вызов геоэкономический» и «Россия должна эффективно действовать в геоэкономическом пространстве» (см.: <http://www.edinros.ru/news.html?id=124222>).

³ См. подробнее: Эрнест Кочетов. Ослепление геополитикой. Глобализирующийся мир и евразийский континент у опасной развилки // Безопасность Евразии. 2001. № 4.

зовы – геоэкономический и технологический – набирают силу, ситуация в мире кардинально меняется: стратегическая пауза, которую взял мир после окончания «холодной войны» стремительно тает. Геополитика вновь оживает, забыв уроки Нюрнберга. На мировой арене вновь оживают демоны прошлого, вновь отечественные и зарубежные ястребы поднимают голову, они смыкаются, ищут повод вступить в схватку и бросить мир в пожар новой, глобальной ядерной войны¹. Под жернова милитаристского угара может попасть экономика: вновь извлекаются из небытия обветшавшие и сошедшие было после окончания «холодной войны» геополитические модели господства, они насилуют экономику, делая её неконкурентоспособной, загоняя её в милитаризированные оковы, а человека – в железную дисциплинарную клетку предвоенного времени.

У России для ответов на вызовы история отвела очень мало времени. Необходимо успеть завершить **стратегический манёвр огромного общенационального масштаба**². Сейчас ведущие научные интеллектуальные центры и структуры включили эту проблему в свою повседневную работу.

Вопрос стоит предельно жёстко: либо мы вновь ввяжемся в изматывающую геополитическую разборку «всех со всеми» и тем самым окончательно сдеформируем систему ВЭС, либо успеем уйти в геоэкономические горизонты развития, используя гигантские возможности «мирного!» внешнеэкономического взаимодействия с передовым инновационным комплексом в целях модернизации страны на базе взаимовыгодных инициатив, приоритетных социально значимых проектов, перевооружения армии по последнему техногенному слову. России, загнанной геополитиками на Север, нужна хозяйственная экспансия! Россия долгие годы пренебрегала этим (в отличие от глобальных игроков – Китай, США и др.) подменив ВЭС торговыми сделками – «патоличевцы» не понимают природу ВЭС.

Таким образом, на повестке дня – формирование новой внешнеэкономической политики и стратегии России исходя из геоэкономических приоритетов, способной демпфировать и гармонизировать в определённой степени мировую ситуацию.

Особая важность и актуальность выстраивания национальных систем ВЭС на геоэкономической основе была отмечена на Международном Форуме «Запад – Восток: интеграция и развитие» (9–11 июля 2008 г., г. Модена, Италия), на котором была представлена российская Программа **«Геоэкономика и инфраструктурные проекты»**³.

¹ Мировая и отечественная общественность своевременно уловили грозный момент надвигающейся опасности. Во весь голос об этом заявили 18 учёных-ядерщиков: «...Мир находится в пяти минутах от судного дня...», «...ядерная катастрофа может произойти в любой момент...» (Коммерсантъ. 2007. 28 мая. С. 11); Вячеслав Кузнецов, известный российский социолог, в своей фундаментальной книге-предупреждении также доказательно предупредил мир об **уже** готовящейся глобальной ядерной войне XXI века (см.: *Кузнецов В.Н.* Социология компромисса. М.: Книга и бизнес, 2007. С. 15–124).

² Суть стратегического манёвра подробно рассмотрена в статье: см.: *Эрнест Кочетов.* Стратегический манёвр (технология национального прорыва в единой доктринальной сборке) // *Безопасность Евразии.* 2004. № 3.

³ По данной тематике на Форуме представители различных геоэкономических школ и воззрений сконцентрировали внимание на самых животрепещущих и острых проблемах мирового развития, заслушаны доклады А. Кло, П. Гнуди, Э. Кочетова, С. Рогова, О. Тони, Н. Гапоненко, З. Кучкарва, А. Кондратьева, М. Понтни, И. Чиполетто и др.

Дальнейшее развитие Программа «Геоэкономика и инфраструктурные проекты» получила на Мировом Общественном Форуме "Диалог цивилизаций" (о. Родос, Греция, 09–13 октября 2008 г.), на МОФ "Диалог цивилизаций" работала специальная секция «**Межцивилизационный диалог как платформа геоэкономического развития**»¹.

I. ГЕОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ОСВОЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Какую парадигму положить в сложившейся ситуации в основу национальной внешнеэкономической политики и стратегии, парадигму, которая открыла бы новые горизонты взаимодействия на мировой арене, покончила бы с завуалированной автаркией, увела бы от края конфронтационной пропасти?

Такой парадигмой явилась *система геоэкономических воззрений*. Зародившись как фундаментальное направление научной мысли практически одновременно в США, России и Италии, геоэкономика² реально несёт в себе слом старых, геополитических взглядов на внешнеэкономическую политику, слом традиционных механизмов внешнеэкономических связей, *возможность достижения передовых позиций не геополитическими, а геоэкономическими методами*.

I.1. Стратегические предпосылки становления современной национальной внешнеэкономической политики (ВЭП)

Парадигмальные повороты в развитии любых систем (будь то мировые системы и модели, государства и их группировки разного плана и характера, общественные уклады, локальные структуры, да и сам «человек», – а он с его типами и архетипами в заданной онтологической и гносеологической подсветке

¹ Модераторы секции: Э. Кочетов (ГУ–ВШЭ, Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики), С. Кортунов (ГУ–ВШЭ), Н. Гапоненко (РАН), Е. Сапир (ЯрГУ). На Форуме были представлены разработки российской школы геоэкономики и глобалистики. С докладами о геоэкономическом подходе к ВЭС выступили специалисты в области новейших научных направлений – геоэкономики и глобалистики: **Эрнест Кочетов** (Россия). Мировая экономическая арена: стратегическая практика: (геоэкономическая модель прорыва к мировому доходу); **Захирджан Кучкаров** (Россия). Концептуальное проектирование как средство восстановления управляемости больших систем на примере мировой финансовой системы; **Сергей Кортунов** (Россия). Геоэкономический передел мира – опасный порог; **Надежда Гапоненко** (Россия). Будущее энергетики: глобальные вызовы, тренды и экологические последствия; **Джером Гленн, Элизабет Флореску** (США – Канада). Глобальная система мониторинга и принятия решений для обеспечения глобальной, национальной и корпоративной энергетической безопасности; **Евгений Авдокушин** (Россия). От интеграции знаний к хозяйственной интеграции: интеллектуализация мировой экономики; **Елена Сапир** (Россия). Инновационная структура геоэкономического пространства: локальные сетевые модели и механизмы; **Анатолий Малин** (Россия). Региональные приоритеты геоэкономической безопасности; **Елена Фролова** (Россия). Индустриальный район как трансрегиональная система: консолидация ресурсов; **Карлхенц Штайнмюллер** (Германия). Рыночные перспективы нанотехнологий для решения глобальных и региональных проблем и формирования новых возможностей; **Адель Стриженко** (Россия). Региональная конкурентоспособность: развитие геоэкономических информационно-сетевых стратегий (на примере Алтайского края) в целях «подстыковки» к мировым воспроизводственным циклам; **Людмила Новошконова** (Россия). «Товар – программа» в региональных инфраструктурных проектах и др.

² Геоэкономические воззрения в России имеют свою историю и логику развития. См.: *Эрнест Кочетов*. История российской школы геоэкономики и глобалистики (начала, становление, эволюция воззрений) // *Безопасность Евразии*. 2008. № 2. Геоэкономика как новейшее научное направление и отрасль научного знания востребовала новый «язык»: свою терминологию, категории, понятия. (См. Словарь-энциклопедию: *Кочетов Э.Г.* Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Основы высоких геоэкономических технологий современного бизнеса; Сборник стратегических понятий – новелл. Екатеринбург: ОАО «ИПП "Уральский рабочий"», 2006).

уже давно выступает как та или иная специально «сконструированная система», востребованная в определённый исторический момент, – имеют свою историю, а, следовательно, свои начала, траекторию становления и развития, затухания и уход в небытие под давлением новых парадигм. Вброс этого тезиса в начале статьи – специальный заход: «система внешнеэкономических связей» (СВЭС) как терминологическая категория – ярчайший пример тому. Она проходит свой путь развития на траектории бытия, имеет свои исторически оправданные этапы: от рождения до старения и ухода (исчезновения) с гуманитарного горизонта. «Внешнеторговцы от геополитики» слово «внешний» воспринимают как «враждебный».

В каком состоянии мы застали СВЭС на пороге XXI века, в каком направлении она движется и в какой точке траектории она находится? Это первый значимый вопрос, без прояснения которого трудно (невозможно?) осознать те новации, которые в настоящее время выдвинула и «переваривает» интеллектуальная мировая и российская мысль.

ВЭС в системе несовмещённых координат

Представляется, что разрешение обозначенной выше проблемы лежит в плоскости осознания поведения СВЭС в двух оболочках (координатах): 1) современный мир и его политическая и мирохозяйственная система; 2) национальное государство и его политическая и экономическая составляющая. Здесь СВЭС попадает под разную методологическую «оптику» («угол» зрения и «точку» зрения).

В первом случае понимание современного мира востребовало выход на самый высокий уровень обзора: взгляд на мир с высоких гуманитарных орбит. Рождение соответствующего этому взгляду методологического инструментария не заставило себя ждать. Речь идёт об объёмно-пространственном осознании нашего мира – геогенезисе, получившем широкое освещение в отечественной экономической литературе как «геоэкономический подход». С высоты геогенезиса мир предстал перед нами в различных измерениях: помимо политической карты перед нашим взором открылись десятки других карт (уровней, срезов, слоёв), через которые идёт восприятие СВЭС. И это восприятие качественно преобразило эту категорию – ей придана совершенно новая трактовка и наполнение (см. ниже).

Во втором случае точка обзора так и осталась на уровне политической карты мира. Эта «прижатая» к локальному ландшафту оптика исказила общую мирохозяйственную панораму, более того, она на долгие годы задержала выход национальных систем на мировую арену, сузила горизонты стратегического мышления, явилась тормозом национального развития. Уходящая с мировой сцены геополитическая модель международных отношений вновь сделала попытку задержаться на исторической оси. Гитлеризм, сталинизм и трумэнизм как кровавые зарницы вновь осветили наш мир. Этим воспользовались ультранационалисты всех мастей и в США, и в Европе, и в Азии. Ярчайший пример тому – трактовка сути внешнеэкономической политики и внешнеэкономических связей в современной России: примат политического (как отблеск советской идеологической системы) над экономической эффективностью. Экономический национализм расцветает в России махровым цветом, под его покровом просматривается (обнажается) милитаристско-мобилизационный тип экономики со строгим дозированием общения с внешней сферой: российские ультрапатриоты

оболгали внешний мир, они вновь ввязались в схватку с ним пока ещё на уровне риторики и прописных державников. Они накаляют обстановку где нужно и не нужно, смыкаясь с мировыми ястребами, урезают «стратегическую паузу», отсчёт которой – окончание «холодной войны». Они не дают завершить России «стратегический манёвр»¹ исторического масштаба: идеологический проигрыш, жажда реванша, страх, зависть не дают им покоя.

Каков выход из складывающейся опасной ситуации? Российская школа геоэкономики и глобалистики² отвечает на этот вопрос.

**Оперирование на «внешней» арене
это далеко не «экспорт-импорт» – это хозяйственная экспансия**

Какой бы уровень, форму или направленность мы бы ни рассматривали в рамках отношений с внешней сферой, будь то концепция, политика, стратегия и т. п., мы в той или иной степени должны ответить на принципиальнейший вопрос: какова природа современной «внешней»³ сферы? Каковы её конструкции и механизмы функционирования? Какие мирохозяйственные структуры («игроки» на мировой арене) реально определяют повестку дня?

Опыт показывает, что на любых этапах исторического развития, какую бы парадигму, политику, стратегию национального развития ни разрабатывали, конечный её эффект во многом предопределён учётом центральных векторов мирового развития. Обозначим только основные, базовые положения, учёт которых должен предопределять внешнеэкономическую политику и стратегию.

Учёт формационного фактора. В этом отношении следует сделать несколько акцентов. *Первое.* Многообразие (гетерогенность) мира во многом связана с его формационной компонентой. Современный мир представляет собой мозаику многоукладности развития. Диапазон здесь очень широк: элементы феодализма, социалистичности, капитализма и др. присутствуют не только в чистом виде, но и в различных комбинациях. И, тем не менее, *центральным формационным вектором современного мирового развития выступает капитализм.* Именно эта формация базируется **на гигантском всплеске развития рыночных отношений и хозяйственной экспансии, взяв за основу свободу в её широчайшем проявлении.** В настоящий момент можно констатировать,

¹ О сути «стратегической паузы» и «стратегического манёвра» см. статью: *Кочетов Э.Г.* Стратегический манёвр (технология национального прорыва в единой доктринальной сборке) // *Безопасность Евразии.* 2004. № 3, а также коллективную монографию: *Стратегический манёвр* / Под ред. В.Н. Кузнецова. М.: 2004.

² См.: *Эрнест Кочетов.* История российской школы геоэкономики и глобалистики (начала, становление, эволюция воззрений) // *Безопасность Евразии.* 2008. № 2.

³ Пора уже слово «внешней» брать в кавычки и это не должно никого смущать. Дело в том, что ориентация мирового развития на геоэкономические приоритеты привела к необходимости пересмотра целого ряда экономических категорий, которые были отражением «несомкнутого» мира. Здесь уже существенно модифицируются такие категории, как «внешнее», «внутреннее», а по-сему *в этом смысле* такие понятия, как «внешнеэкономический», «внешнеторговый» постепенно уходят в прошлое. Геоэкономика учит нас рассматривать мир как поле для хозяйственной деятельности, как «экономику без границ». С вхождением геоэкономического пространства в новые, неоэкономические координаты цивилизационного развития – формирование этноэкономических систем – этот процесс ускоряется. Стремление отгородиться от мировых процессов посредством категории «внешний» – дань сошедшей с мировой арены геополитической парадигмы, замешанной на старовестфальской модели бесконечного «раскалывания – сращивания» территорий и тем самым на перетасовке мира. Увы, наши внешнеторговцы болеют старой болезнью.

что капитализм в борьбе с другими формациями одержал не просто локальную и региональную победу – масштаб этой победы измеряется глобальностью. Конечно, можно говорить об определённых нюансах, оттенках, манипулируя терминологическими формальностями в обозначении современного капиталистического уклада той или иной страны, но от этого суть не меняется – капиталистические (рыночные) отношения стали практически повсеместными.

Безусловно, отдавая дань понятийной эквилибристике в рамках «капитализма», можно иметь представление о различных его модификациях: государственный капитализм, народный капитализм, капитализм империалистический, национал-капитализм и т. д. Вместе с тем на волне победного шествия капитализма произошёл развал социалистической системы. Все страны социалистического лагеря, хотя и с разными темпами, масштабами и глубиной политических и экономических трансформаций, перешли к капитализму. Ярчайший пример – Россия. Можно бесконечно упражняться в терминологических характеристиках российского пути капиталистического развития: капитализм первоначального накопления, «бандитский» капитализм, «грабительский» капитализм и т. д. (а в этом во всю упражняются апологеты сошедших с исторической оси формационных парадигм развития), ясно одно – на современном этапе в России вновь победила капиталистическая формация¹.

Учёт цивилизационного фактора. Для внешней экономической политики и внешней экономической стратегии цивилизационный фактор долгое время относился к разряду *ассистемного*, иными словами его просто не учитывали, тем самым выпадал целый пласт (набор) «срезов» внешней среды: культурологических, этнонациональных, религиозных, этикоморальных и т. д. В построении внешнеэкономической политики и стратегии превалировал и до сих пор главенствует экономцентризм. Эту идиллию развеял С. Хантингтон, поведавший миру о том, что не учёт цивилизационного фактора может подвигнуть мир к межцивилизационному столкновению². Учёт цивилизационного фактора вносит существенную коррекцию в СВЭС при выборе долговременного горизонта сотрудничества и географического вектора внешнеэкономических связей.

Учёт военно-стратегического баланса мировых сил. «Ячеистость» нашего сознания, разорвавшего научное знание на отдельные обособленные лакуны (сферы), привела к ущербу при формировании внешнеэкономической политики и стратегии. Глухие межведомственные стены между внешнеполитиче-

¹ Следует заметить, что идеологи российского капитализма допустили, как мне кажется, некоторый промах – они не стали называть вещи своими именами, выдвигая на передний план другую смысловую нагрузку капитализма: свободное предпринимательство, общество открытой конкуренции, рыночная экономика и др. С одной стороны, такую «стыдливость» можно понять: инерция советского менталитета не позволяла воспринимать лобовую атаку новой идеологии, нужно было всеми силами удержаться на лезвии ножа и не скатиться в кровавую разборку «всех со всеми», что и было блестяще выполнено. Но и длительная затыжка в терминологическом оформлении российской капиталистической формации чревата опасностью «отодвинутого взрыва». В настоящее время подавляющая часть населения страны, ведущие политические, общественные, религиозные, деловые круги приняли капиталистический путь развития, как безвозвратный и эффективный (конечно, за исключением идеологических маргиналов старой коммунистической закваски). О том, что в России выстраивается именно капитализм в ясной и чёткой форме обозначено в интересной и содержательной книге: Россия и мир. Новая эпоха. 12 лет, которые могут все изменить / Отв. ред. и рук. авт. колл. С.А. Караганов. М.: АСТ: Русь – Олимп, 2008. 444 с.

² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. М.: 2003.

ской, внешнеэкономической и военно-стратегической сферами, как «особыми» отраслями научного знания не позволяют формировать в едином ключе национальную политику и стратегию на внешней арене. Здесь складывается своя иерархия в приоритетах, идёт подчинение одного другому. Не было междисциплинарного атрибута объединяющего эти сферы. Мне представляется, что таким объединяющим атрибутом должны выступить **«национальные геоэкономические интересы и их защита»**. Но осознание этого пришло только сейчас, и далеко не всеми, до этого мы были в плену стратегической ошибки.

I.2. Торгово-посредническая модель ВЭС как фундаментальная стратегическая ошибка во внешней экономической политике и выход из неё

В России внешнеэкономической политике и стратегии (ВЭП и ВЭС) всегда уделялось особое внимание. Система внешнеэкономических связей была встроена в национальную экономику и решала широкий круг особых, специфических задач. Так, в Советском Союзе вся система ВЭП и ВЭС выстраивалась сугубо с идеологических, военно-стратегических и конъюнктурных позиций. Отсюда теоретические и методологические исследования в области ВЭС впитали эту ситуацию: их сердцевину составил геополитический способ мышления, а наука в области ВЭС не продвинулась далее конъюктуроведения. Микояновская и патолчевские модели сделали своё дело! Так, например, сотрудничество со странами СЭВ – это по сути дела ГОССНАБ, вынесенный за национальные рамки. Здесь под видом торговли шли плановые поставки в основном сырья, уравновешенного по объёму и стоимости поставками в СССР особо дефицитных товаров, с производством которых плановая экономика не могла справиться. Иными словами, внешнеэкономические связи выступали, с одной стороны, в роли политической и идеологической привязки к советской орбите (мы держали значительные военные группировки в этих странах), а, с другой стороны, это давало возможность «снимать» в определённой степени дефицит в народном хозяйстве. Что касается западного внешнеторгового направления, то львиную долю валюты, поступавшей от торговли энергоносителями и др. статьями, поглощал военно-промышленный комплекс, который в эпоху геополитической схватки был раздут до чудовищных размеров: в целом на военные нужды поглощалось до 80% ресурсов страны¹.

Динамика относительных объёмов наукоёмкого высокотехнологического сектора (а в его состав входят такие комплексы как специализированные военно-ориентированные отрасли, авиационно-ракетно-космический комплекс, атомная промышленность, радиоэлектронный комплекс, наукоёмкий сектор химической промышленности) машиностроительного комплекса и отрасли «наука и научное обслуживание» (а продукция оборонно-промышленного комплекса этой отрасли занимает более $\frac{3}{4}$ её объёма) свидетельствует о сверхмилитаризованности советского машиностроения и отрасли «наука и научное обслуживание»². «Можно констатировать, что условиями замедления процессов экономического развития, а затем и распада народного хозяйства СССР являлось гипертрофирован-

¹ См.: Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: 2000.

² Бендиков М.А., Фролов И.Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. М.: Наука, 2007. С. 418, 419.

ное развитие советского ОПК, а также обеспечивающих его производств, и, как следствие, избыточная милитаризация экономики... Затраты на содержание советских вооружённых сил и на производство основных видов вооружения и военной техники (ВВТ) были вполне сопоставимы с соответствующими показателями в США»¹. «Сосредоточение потенциала высоких технологий преимущественно в рамках оборонно-промышленного комплекса снижало эффективность советской экономики в целом, поскольку влекло за собой усиление диспропорций в её технологической структуре, ограничивало базу и замедляло темпы общего технологического обновления и экономического роста. Эта стратегия развития во многом определила не только специфические черты прошлой экономики, но и облик пока ещё формирующейся российской рыночной экономики»².

Ситуация усугублялась и другой проблемой. Плановая система как огня боялась транснационализации социалистической экономики. Ни под каким видом не допускался «иностранный элемент» в плановые воспроизводственные циклы. И это притом, что, начиная с начала 60-х годов прошлого столетия, транснационализация в ведущих развитых странах начала набирать невиданные ранее масштабы и темпы, получили развитие национальные и многонациональные транснациональные корпорации, возвестив тем самым о том, что воспроизводственные циклы вырвались за национальные «околицы»: мир двинулся к глобализации мирохозяйственной жизни.

Наша же теоретическая мысль в области внешнеэкономической политики и стратегии только фиксирует (фотографирует) эту ситуацию и, как правило, с острой критикой её с идеологических позиций. Это в свою очередь на долгие годы послужило тормозом фундаментальных исследований в области внешнеэкономической политики и стратегии. Тем самым обрекался на отсталость весь внешнеэкономический сектор страны. Сказался (и до сих пор сказывается, вновь ожили «внешнеторговцы» старого закала) идеологический и геополитический взгляд на мир, а именно, идёт выстраивание всей системы ВЭС глядя только на политическую карту мира с её игроками – государствами. Других «игроков» в нашей стране долгое время не «воспитывали». Это привело к тому, что российский и мировой векторы развития кардинально разошлись, хотя проблема ТНК и их роль на мировой хозяйственной арене традиционно всегда была в поле зрения российских исследований³. Так, в Институте мировой экономики и междуна-

¹ Бендиков М.А., Фролов И.Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. С. 194, 195.

² Там же. С. 211.

³ См.: Интернационализация хозяйственной жизни и глобальные вопросы современности / Под ред. Г.Г. Чибрикова, И.П. Фаминского, М.Н. Осьмовой и др. М.: 1989; ТНК в мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО, 2005; Шишков Ю.В. Догоняющее развитие в эпоху глобализации. М.: ВАВТ, 2006; Кузнецов А.В. Российская модель становления ТНК: запоздалая интернационализация при большом потенциале // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО, 2005; Салир Е.В. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики); Вафина Н.Х. Теоретико-методологические аспекты транснационализации производства. Казань: 2000; её же: Транснационализация производства в свете теории самоорганизации экономических систем. Казань: КГФЭИ, 2002; Голубков М.А. Интернационализированные воспроизводственные ядра (циклы) – альтернатива свободным экономическим зонам (реализация сетевых геоэкономических тенденций) // НАВИГУТ. 2003. № 4; Новокшонова Л.В. Международный бизнес: экономические основы развития и регионализации. Н. Новгород: 2001; Пивоварова М.А. Геоэкономический

родных отношений РАН сложилось целое направление подобных исследований: Т.Я. Белоус, Ю.В. Шишков, А.В. Кузнецов, Р. Зуйков, и др. Опираясь на эти работы можно сделать несколько важных акцентов:

Основные игроки на мировом инновационном поле – ТНК.

В начале 1990-х гг. в мире насчитывалось 37 000 ТНК, иностранных филиалов – 17 000. В 2005 г. – соответственно: 77 000, имеющих 770 000 зарубежных филиалов¹. Размещение ТНК в мире: развитые страны: материнские ТНК – 50,5 тыс.; размещённые зарубежные филиалы ТНК – 247,2 тыс.; развивающиеся страны: материнские ТНК – 18 тыс. (25,8% ТНК мира); Азия – 14,8 тыс. (21,2%); Л. Америка – 2,9 тыс. (4,2%); Африка – 0,3 тыс. (0,5%); размещённые зарубежные филиалы ТНК – 335 тыс., Азия – 293 тыс. (42,6%); Л. Америка – 35,6 тыс. (5,2%); Африка – 5,9 тыс. (0,8%); страны Юго-Восточной Европы и СНГ: Материнские ТНК – 1,2 тыс.; размещённые зарубежные филиалы – 107,8 тыс. (Юго-Восточные филиалы – 97,4 тыс., СНГ – 10,4 тыс.²).

Россия встала на путь транснационализации, хотя и с большими задержками. О запоздалом характере транснационализации деятельности российских компаний свидетельствует динамика накопленных сумм их ПИИ (см. табл. 1).

Если рассматривать российскую интернационализацию, то, судя по отношению ПИИ к ВВП, возможности дальнейшей инвестиционной экспансии отечественного бизнеса не исчерпаны. Данный показатель ниже только в нескольких странах (см. табл. 1), причём в России при наличии большого числа крупных фирм-экспортёров ни одна из них не входит в число ведущих ТНК мира. Лишь две компании – «Лукойл» и «Газпром» – по размерам зарубежных активов (которые превышают 5 млрд долл. у каждой) попадают во вторую сотню компаний. Ещё только 3 российских нефинансовых ТНК имеют за границей активы, превышающие 1 млрд долл.: «Норильский никель», «Русский алюминий» («РУСАЛ»), «Новороссийское морское пароходство» («Новошип»), а 7 фирм – 100 млн долл.: «Северсталь», «Зарубежнефть», «МТС», «Приморское морское пароходство», «ЕЭС России», «Вымпелком» и «Мечел». Среди банков выделяется исключительно «Внешторгбанк». Вместе с тем рост зарубежных активов российских компаний имеет положительную динамику.

Российский исследователь современных ТНК А.В. Кузнецов даёт свою оригинальную классификацию российских ТНК (см. табл. 2). Отечественная модель интернационализации в значительной мере схожа с моделью новых индустриальных стран, прежде всего, инвестиционной экспансией ограниченного числа промышленных олигополий, представляющих государство или частные крупные финансово-промышленные группы. Но есть и несколько принципиальных отличий, наиболее очевидными из которых являются особые экономические связи со странами СНГ, позволяющие зарождающимся российским ТНК проходить первые стадии интернационализации в соседних странах в условиях знакомой бизнес-среды.

подход к исследованию проблем мирохозяйственного взаимодействия // Общество и Экономика. 2000. № 3–4.

¹ World investment report 2006 TNCs and the internationalization of R&D N-Y.: UN, 2006.

² Об иностранных инвестициях в экономику России в 2004 году (www.gks.ru).

Таблица 1

Страны-лидеры по накопленным ПИИ национальных ТНК

Страна	ПИИ на конец 1995 г., млрд долл.	ПИИ на конец 2004 г., млрд долл.	Рост накопленных ПИИ за 9 лет, раз	Отношение ПИИ к ВВП, % в 2004 г.
США	699,0	2018,2	1,9	17,2
Великобритания	304,9	1378,1	4,5	64,8
Германия	258,1	833,7	3,2	30,8
Франция	204,4	769,4	3,8	38,1
Нидерланды	172,7	545,8	3,2	94,4
Сянган (Гонконг)	78,8	405,6	5,1	246,5
Швейцария	142,5	393,0	2,8	109,8
Япония	238,5	370,5	1,6	7,9
Канада	118,2	369,8	3,1	37,1
Испания	36,2	332,7	9,2	33,5
Италия	97,0	280,5	2,9	16,7
Бельгия	ок.40	248,4	ок.6	70,6
Швеция	73,1	203,9	2,8	58,9
Люксембург	ок.40	176,5	ок.4	555,3
Австралия	52,8	167,5	3,2	27,1
Сингапур	35,1	100,9	2,9	94,5
Дания	24,7	99,6	4,0	41,1
Виргинские (Брит.) О-	8,7	97,0	11,1	9767,7
Ирландия	13,2	95,6	7,2	52,9
Остров Тайвань	25,1	91,2	3,6	29,9
Россия	3,0	81,9	27,3	14,0
Финляндия	15,0	80,9	5,4	43,5
Норвегия	22,5	72,1	3,2	28,8
Австрия	11,7	67,4	5,8	23,3
Бразилия	44,5	64,4	1,4	10,7
Португалия	3,2	45,6	14,3	27,2
Республика Корея	10,2	39,3	3,9	5,8
КНР	15,8	38,8	2,5	2,4
ЮАР	23,3	28,8	1,2	13,5
Аргентина	10,7	21,8	2,0	14,4

Источник: World Investment Report 2005. P. 308–324, World Investment Report 2004. P. 382–385., Кузнецов А.В. Российская модель становления ТНК: запоздалая интернационализация при большом потенциале // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО, 2005. С. 40.

Таким образом, огромное отставание России в транснационализации хозяйственной деятельности (см. табл. 1.) привело к тому, что в развитии внешнеэкономических связей отслеживаются только в основном игроки, обозначенные на политической карте мира, т. е. отдельные государства. Отсюда гипертрофированная эксплуатация соответствующих категорий: «международное разделение труда», «экономика зарубежных стран», «мировой рынок как сумма национальных рынков», «мировая экономика как сумма национальных экономик». Исходя из этого, была допущена фундаментальная стратегическая ошибка: 1) *игнорирование по идеологическим соображениям мирового процесса, в основе которого трансграничность воспроизводственных циклов;* 2) *сведение системы внешнеэкономической связи к внешней торговле между странами.* Отсюда государственная монополия внешней торговли, отрезавшая производителя от внешнего мира, что придало ей сугубо посредническую окраску. Эта ситуация была надолго «зацементирована» в институциональном обустройстве внешнеэкономических связей. Сначала в лице

микояновской и патолитической моделей ВЭС, а в наше время приставка «торговля» неотлучно следует в названиях министерств, ведомств и их структур¹. При этом мы остались на уровне *общего* разделения труда, *частное* и *единичное* разделение труда нас практически не коснулось.

Таблица 2

Классификация российских ТНК

Тип	Подтип	Примеры	Перспективы развития
Фирмы-наследницы советских зарубежных предприятий	осколки «красных» ТНК	«Улан-Баторская железная дорога», «Монголсовцветмет», «Техноинторг»	слабый рост ПИИ в производство и инфраструктуру в основном в Монголии, в торговые фирмы – в ЕС; при приватизации – интеграция в сети других ТНК
	трансформировавшиеся гиганты	«Газпром», «Зарубежнефть», «Внешторгбанк»	превращение в классические ТНК с заметным ростом ПИИ по всему миру, но с преобладанием ЕС и СНГ
ТНК, рождённые в ходе «цивилизированного развода» стран СНГ	проводники «либеральной империи»	«ЕЭС России», холдинг россиянина К. Григоришина «Энерго-Стандарт»	крупные ПИИ в СНГ, но не всегда экономически эффективные; без поддержки из России – их потеря
	сети предприятий-смежников	«ТВЭЛ», «Агромашхолдинг», «Росатомредметзолото»	ограниченное количество ТНК с незначительными ПИИ в СНГ
«Классические» ТНК	сформировавшиеся на базе советских гигантов	«Лукойл», «Норникель», «РУСАЛ», «Север-сталь», «Мечел», «АвтоВАЗ»	постоянно растущее число ТНК со значительным увеличением ПИИ при повышении роли удаленных от России стран
	«молодые» фирмы	«Глория Джинс», «Вимм-Билль-Данн»	некоторый рост числа ТНК с увеличением ПИИ в основном в СНГ
Российские ТНК с крупной долей иностранного участия	в современных отраслях	«МТС», «Вымпелком»	ограниченное число ТНК с крупными ПИИ в СНГ
	в традиционных отраслях	«Балтика»	рост числа ТНК и их ПИИ – в основном СНГ, в перспективе – ЕС и других регионах
Псевдо-ТНК	практикующие легализованное «бегство» капитала	«Новошип» и другие крупные морские пароходства	рост ПИИ в странах «дешёвого» флага; при создании Российского международного реестра судов ПИИ останутся лишь в портовых
	созданные для различных экономических манипуляций	общества с ограниченной ответственностью на Кипре, ряд торговых фирм в Европе	сокращение числа при заметном улучшении предпринимательского климата в России; в противном случае стабильная роль

Источник: Кузнецов А.В. Российская модель становления ТНК: запоздалая интернационализация при большом потенциале // ТНК в мировой политике и мировой экономике: проблемы, тенденции, перспективы. М.: ИМЭМО, 2005. С. 42.

Всё это, в конце концов, к началу нового века привело к глубочайшему кризису. Суть его – колоссальный перекося структуры торгового оборота, повлёкший за собой адекватную деформацию структуры народного хозяйства и, прежде всего, структуры машиностроительной отрасли.

¹ Хотя хорошо известны периоды смены внешнеторговых вывесок на внешнеэкономические, но от этого суть дела не меняется: под ними скрываются заполитизированные снабженческие и торговые модели ВЭС (экспортно-импортные операции между странами-партнёрами в рамках «международного» разделения труда), т. е. та же геополитика, но в торговом измерении.

Наращивание объёмов экспорта энергоносителей и других товаров сырьевой группы вызвало к жизни гипертрофированное развитие только некоторых видов тяжёлого машиностроения: производство циклопических размеров энерго-, металло- и материалоемких машин и оборудования, предназначенных для горно-металлургической и нефтегазодобывающей отрасли. Постепенно стали вымываться целые отрасли машиностроения, в том числе точное приборостроение, электроника и др. Это сопровождалось всё возрастающими темпами износа и вывода основных фондов. Сырьевая направленность народного хозяйства послужила истоком не только деиндустриализации страны, но и внесла существенные перекосы в транспортную систему и коммуникации. Это также не преминуло сказаться на состоянии военно-промышленного комплекса страны, а отсюда – на оснащённости российской армии новейшими типами вооружений, что в конечном итоге обострило проблему национальной безопасности¹.

В итоге: в стратегическом плане к концу 80-х годов наша страна реально превратилась в сырьевой комплекс, обслуживающий западные воспроизводственные циклы с вектором внешнеэкономической политики и стратегии, в принципе, не отвечающем общим тенденциям развития мира, вступающего в эпоху глобализации в высшую (информационно-инновационную) фазу постиндустриализма.

Многолетняя деформация (товарооборота и в целом национальной экономики) придала этому процессу огромную инерцию: **Россия вошла в XXI век неконкурентоспособной.**

Уровень конкурентоспособности любой страны предопределён тем как она представлена на мировой хозяйственной арене и мировом рынке. Показатели внешней торговли страны – зеркало её промышленного потенциала, тенденций развития, возможностей в решении стратегических задач долговременного плана. При этом центральный показатель внешней торговли – её товарная структура (т. е. доля в экспорте и импорте отдельных товарных групп) и объёмы.

С какой структурой и объёмом внешней торговли Россия вошла в XXI век? Какую ситуацию они отражают, каковы истоки и направленность в развитии такой ситуации? Эта ситуация чётко зафиксирована в работах известных российских исследователей внешней торговли, в частности, в фундаментальной монографии В.Л. Сельцовского², где дана достоверная картина состояния внешней торговли на рубеже столетий. Здесь мы развернём её в сжатом виде, во многом опираясь на данные указанного автора.

¹ Нельзя сказать, что научная общественность «не замечала» пагубного структурного крена. Многие известные учёные (И.П. Фаминский, Ю.Ф. Кормнов, Ю.В. Шишков, В.С. Паньков, П.С. Завьялов, И.А. Спиридонов, Л.В. Сабельников, Б.С. Ваганов, Г.М. Тучкин, Д.И. Костюхин, С.И. Долгов, И.А. Кириллов, Ю.В. Пискулов, В.В. Поляков, А.Д. Некипелов, Ю.Ф. Шамрай, В.В. Савастьянов, М.П. Миронов, О.М. Юнь, Б.М. Смитиенко, Н.Н. Иноземцев, Ф.Г. Пископель и др.) в своих работах отмечали опасную тенденцию к структурному перекосу и деиндустриализации страны. Однако всё это оставалось «гласом вопиющих в пустыне» – система была не способна к новациям. В новых условиях (в эпоху глобализации) разработки этих выдающихся учёных послужили основанием, отправной точкой для развития нового научного направления в осознании мира – **глобалистики и её центрального блока – геоэкономики и геоэкономического подхода к оперированию на мировой арене.** Это направление сейчас оформилось в качестве российской школы геоэкономики и глобалистики.

² См. подробнее: *Сельцовский В.Л.* Экономико-статистические методы анализа внешней торговли. М.: Финансы и статистика, 2004. 512 с.

1.3. Микояновско-патолитчевская модель ВЭС – цена вопроса на переломе веков

К началу XXI века Российская Федерация подошла с однобокой структурой своего экспорта. Наш экспорт находится в большой зависимости от сравнительно узкого круга товаров – нефти, нефтепродуктов, газа, металлов, лесотоваров. Эта проблема остро стояла ещё в советское время. Несмотря на осуществление некоторых позитивных сдвигов в структуре советского экспорта, проблему эту решить не удалось. Причём сырьевая направленность экспорта нашей страны продолжает усиливаться, что наглядно видно из табл. 3 (см. Приложение № 1).

Так, в начале 2000 г. только удельный вес топливно-энергетических товаров (нефть, нефтепродукты, газ, уголь, электроэнергия) превысил 55%; более 20% всего экспорта приходится на металлы; продукция химической промышленности занимает 7% в экспорте; лесотовары – 5%. Таким образом, доля топлива, сырья и полуфабрикатов составляет 90% экспорта Российской Федерации в страны дальнего зарубежья. Доля машин и оборудования в экспорте в страны дальнего зарубежья значительно сократилась и составляет, даже с учётом военно-технических поставок, не более 7–9% (доля гражданской машинотехнической продукции лишь 3–4%). Удельный вес готовых изделий немного превышает 10%. В 1990 г. доля машин и оборудования в экспорте РФ без военно-технического сотрудничества была 17,6%. За период 1991–2000 гг. экспорт машин и оборудования РФ сократился почти в 2 раза.

Ситуация усугубляется. Структура экспорта Российской Федерации в 2006 году: 66,2% – минеральные продукты; 13,9% – металлы и изделия из них; 5,5% – машины, оборудование и транспортные средства; 14,4% – другие товары («НГ», 28 февраля 2008 г, с. 14). Такой показатель удельного веса машин и оборудования недопустимо мал для развитой страны. В целом в мировом экспорте доля машин и оборудования составляет около 40%.

Доля экспорта машин и оборудования РФ в мировом экспорте этой продукции составляет лишь 0,4% и это при 1,7% доли всего российского экспорта в мировом экспорте. Отечественный экспорт машин и оборудования в 2000 г. был в 11 раз ниже аналогичного показателя Республики Корея, в 6,7 раза – Малайзии, в 3,5 раза – Таиланда.

Экспорт Российской Федерации машин и оборудования отображает низкий коэффициент структурной специализации продукции машиностроения, а также тот факт, что на долю России в 2000 г. приходилось 6% мирового производства стали, тогда как доля России в мировом экспорте машин и оборудования составила лишь 0,4%. Для сравнения можно отметить, что удельный вес Франции в мировом производстве стали 3%, доля же в мировом экспорте машин и оборудования – 5%.

Что же касается США, Японии, ФРГ, то доля этих стран в мировом производстве стали в 2000 г. составила (%): США – 14, Японии – 14, ФРГ – 6; доля же указанных стран в мировом экспорте машин и оборудования соответственно была (%): 16, 13 и 11.

Следует отметить, что наряду с негативным изменением структуры внешней торговли России резко ухудшились показатели внешнеэкономической деятельности страны в целом, в результате этого значительно ослабли позиции России на мировом рынке. Доля России в мировой торговле с 1990 по 2001 г. со-

кратилась почти в 3 раза (с 4,5 до 1,7%). По объёму внешнеторгового оборота Россия в 2001 г. занимала 20-е место в мире (в 1990 г. – 10-е).

Основной причиной усиления топливно-сырьевой направленности и снижения индустриального характера структуры внешней торговли Российской Федерации и её темпов роста стало значительное сокращение общеэкономического и производственного потенциала. Промышленное производство РФ в 2001 г. составило 57% от уровня 1990 г., т. е. сократилось почти в 2 раза; сельскохозяйственное производство за тот же период уменьшилось на 1/3.

Очень неблагоприятным показателем экономического состояния страны являлся в инвестиционном секторе объём капиталовложений, он составлял 30% от уровня 1990 г. (сокращение более чем в 3 раза).

В результате средний возраст производственного оборудования в промышленности России, составлявший в 1990 г. 10,8 года, в 2002 г. достиг 18,7 года. Причём доля оборудования старше 20 лет – 40% (15% в 1990 г.).

Увеличение сроков службы оборудования сказалось на повышении износа основного капитала в промышленности, который в последние годы превысил 50% и требует немедленной модернизации и замены.

Старение основных фондов в российской промышленности не компенсируется вводом новых. Если в 1990 г. коэффициент обновления основных фондов в промышленности достиг 7%, то в 2000 г. – всего лишь 1,5%¹.

Несомненно, что существенный физический и моральный износ машин и оборудования наиболее активной части основных фондов predetermined дальнейшее падение конкурентоспособности машинотехнической продукции, производимой Россией, и, вследствие этого, сокращение её экспорта.

Высокой конкурентоспособностью на мировом рынке обладает только продукция, «снятая» с первоклассной производственно-технологической базы, а это – современный станочный парк и инструментальное хозяйство, современные испытательные стенды и полигоны, высококвалифицированные кадры технологов. Иными словами – **полная адекватность изделий и производственной среды!** Разрывы в этом плене, а также слабая контрактная проработка ведут к удручающим ситуациям в российском экспорте: решение Алжира вернуть в Россию 15 истребителей МиГ-29 СМТ из-за низкого качества их комплектующих и согласие Москвы разорвать эту сделку; затянувшаяся модернизация российского тяжёлого авианесущего крейсера «Адмирал Горшков» для Индии, на что США тут же предложили Индии подлежащий списанию авианосец CV 63 Kitty Hawk, увязав с экспортом 65 новейших истребителей F/A-18 E/F Super Hornet (это значительно ослабило позиции России в тендере на поставку 126 истребителей, оцениваемых в 10 млрд долл.); заявление норвежской компании Odfjell ASA о расторжении контракта на поставку российским «Севмашем» 12 танкеров – химовозов; претензии китайской стороны к качеству оборудования, поставляемого российскими предприятиями для Таньваньской АЭС; сорванным оказался и подписанный в 2005 году миллиардный контракт на поставку Китаю самолётов Ил-76 и Ил-78. («НГ», 26 февраля 2008 г., «НГ», 29 февраля 2008 г.).

Известно, что рынок машин и оборудования находится под сильным воздействием научно-технической революции. В связи с этим требования к этой

¹ См.: Российский статистический ежегодник. 2001. С. 349, 350.

продукции непрерывно повышаются. Однако в течение длительного времени нашей промышленностью выпускаются самолёты, автомобили, тракторы, сельскохозяйственные и дорожно-строительные машины с практически не отличающимися технико-экономическими характеристиками и внешним видом от моделей, производимых ранее. В результате отечественные самолёты и вертолёты не могут конкурировать с зарубежными аналогами. Российские самолёты имеют расход топлива в 1,5–2 раза выше самолётов подобного типа западных стран.

Низкий технический уровень сократил экспорт легковых автомобилей. Не лучше обстоит дело и с экспортом грузовых автомобилей. Основные модели грузовых автомобилей устарели и не удовлетворяют требования внешнего рынка по моторесурсу, на 20–25% тяжелее зарубежных аналогов, часто не соответствуют требованиям в отношении вибрации, экологии, безопасности, расходуют больше горючего и смазочных масел. Удельный вес грузовых машин, оснащённых дизельным двигателем, не превышает 25%, автобусов – 3%. На мировом же рынке в основном продаются дизельные грузовые машины и в значительных количествах легковые машины с такими двигателями.

По техническому уровню и качеству машинам зарубежных фирм значительно уступает сельхозтехника, производимая в нашей стране. Сельхозмашины, производимые в России на экспорт, имеют высокую металлоёмкость, большую трудоёмкость техобслуживания, не удовлетворяют требования импортёров по условиям техники безопасности и удобству эксплуатации.

Низкие технические характеристики имеет наше станочное оборудование. Подтверждением вышесказанного являются данные о стоимости 1 т продукции машиностроения, экспортируемой Российской Федерацией и промышленно развитыми странами. В настоящее время эта стоимость в 3 раза ниже, чем в развитых странах.

В целом только около 15% серийно производимой в РФ машиностроительной продукции соответствует мировому уровню.

Помимо отмеченных внутренних факторов, повлиявших на состояние товарной структуры внешней торговли РФ, имеются серьёзные внешние факторы.

Прежде всего, это разрыв интеграционных и кооперационных связей между отраслями и предприятиями России с республиками бывшего СССР и бывшими членами СЭВ, обусловивший потерю рынков сбыта российских машин, оборудования, наукоёмкой продукции в этих странах. К таким же отрицательным последствиям привёл уход с рынков технико-экономического сотрудничества наших традиционных партнёров из развивающихся стран. Всё это усугубило сокращение производства, особенно в машиностроительных отраслях России.

Кроме того, при значительном увеличении открытости экономики России перед мировым рынком от западных стран не удалось добиться ликвидации широко используемых ими дискриминационных мер в отношении ряда товаров российского экспорта (квотирование поставок на рынки ЕС стальной продукции, проката цветных металлов, обогащённого урана, многочисленные антидемпинговые процедуры по поставкам в США и ЕС из России). В ряде случаев оказывается политическое давление на покупателей современных российских технологий: на Индию (по контракту на поставку ракетной техники), на Иран (по строительству АЭС) и т. д.

Важно отметить, что проблема увеличения в экспорте изделий обрабатывающей промышленности не ограничивается продукцией машиностроения. Речь идёт также об увеличении степени промышленной обработки природного сырья, прежде всего, нефти, газа, угля, руд чёрных и цветных металлов, древесины, текстильных и других видов сырья.

Вывозимые из России ресурсы во многих случаях лишены предварительной обработки, что значительно снижает эффективность нашего экспорта, поскольку цены на мировом рынке на необработанное сырьё значительно ниже по сравнению с обработанными сырьевыми материалами.

Совершенно очевидно, что наша страна не может рассчитывать на существенный рост экспорта, если его структура и в дальнейшем будет сырьевой и однобокой. В настоящее время исчерпаны практически все возможности экстенсивного расширения экспорта за счёт топливно-сырьевых товаров. Необходимость диверсификации российского экспорта вызывается тремя моментами, затрагивающими не только выбор стратегии развития, но и проблему экономической безопасности страны.

Первый момент заключается в том, что сырьевые ресурсы у нас не безграничны для экспорта. Доля экспорта в производстве основных сырьевых товаров (экспортная квота) в 1990-е годы постоянно увеличивалась и по большинству основных сырьевых товаров российского экспорта достигла предельных величин (табл. 4).

Таблица 4

**Доля экспорта Российской Федерации
в производстве важнейших сырьевых товаров**

Наименование	1990	1995	1999	2000	2001	2002
Нефть сырая	17,7	41,5	44,2	44,7	45,9	48,8
Нефтепродукты	15,0	25,8	30,2	36,0	39,8	33,2
Газ природный	14,5	32,2	34,6	33,2	32,8	32,4
Уголь каменный	6,1	17,1	16,7	25,7	39,7	35,5
Минеральные удобрения	21,0	83,9	83,2	82,9	81,8	72,1
Круглый лес (лесоматериалы необработанные)	7,0	22,3	40,1	42,4	53,4	51,5
Целлюлоза древесная	8,7	74,8	79,1	82,4	83,7	86,7
Бумага газетная	...	71,1	70,6	69,0	67,4	69,9
Фанера клееная	10,9	71,4	69,2	65,8	64,5	62,2
Прокат плоский из железа и стали	6,4	53,1	60,6	55,3	43,0	48,5

Источник: Сельцовский В.Л. Экономико-статистические методы анализа внешней торговли. М.: Финансы и статистика, 2004. С. 290.

Для развития экономики нашей страны потребуются дополнительные сырьевые ресурсы для того, чтобы использовать их в стране.

Второй момент, указывающий на необходимость диверсификации нашего экспорта, заключается в изменении положений на внешних рынках сырьевых товаров. Западноевропейский рынок нефти – основной рынок российского нефтяного экспорта – достаточно насыщен, в частности, в связи с ростом добычи нефти в Северном море. Кроме того, западные страны озаботились альтернативными источниками и маршрутами поставки энергоносителей, проводят политику энергосбережения, и потребление энергии на единицу ВВП в этих странах постоянно снижается. Вполне ясно, что в этой связи нет оснований рассчи-

тывать на сугубо устойчивое увеличение поставок российской нефти и нефтепродуктов.

Что касается металлов, то их потребление в мире растёт очень ограниченно, и российские экспортёры металлов встречаются с серьёзной конкуренцией на мировых рынках. Значительные трудности в последнее время в экспорте продукции имеет и химическая промышленность, основными экспортными товарами которой являются минеральные удобрения.

И, наконец, **третий момент** состоит в том, что ориентация нашей страны исключительно на экспорт сырьевых товаров не может быть для нас долгосрочным стратегическим ориентиром, потому что все эти товары являются исключительно неустойчивыми в плане влияния на них мировой конъюнктуры. Цены на сырьевые товары весьма изменчивы и подвержены колебаниям под влиянием самых различных факторов. Наша страна уже столкнулась с этим в 1998 г., когда цены на нефть и нефтепродукты резко упали.

Не лучшим образом обстоят дела с внешними источниками финансирования. Наша страна возлагала в своё время большие надежды на привлечение иностранных инвестиций, рассматривая их как важный фактор создания новых технологий в промышленности, развития экспортно-ориентированных производств. Однако эти надежды не оправдались.

По объёму привлекаемого иностранного капитала и особенно прямых иностранных инвестиций Российская Федерация занимает в международном инвестиционном сотрудничестве небольшую долю – 0,5% всего мирового потока прямых иностранных инвестиций. Эти объёмы явно недостаточны. Для сравнения отметим, что приток прямых инвестиций в год в США в 31 раз, в Китай в 12 раз, в Польшу в 2 раза больше, чем в Россию.

Причиной малой привлекательности России как импортёра иностранного капитала является, прежде всего, нестабильность законодательства применительно к иностранному инвестору. Кроме того, высокий уровень налогов, транспортных тарифов оказывает негативное воздействие на иностранных инвесторов. Но самое главное – *торговая доктрина внешнеэкономических связей не приспособлена для «переваривания» «внешних» денег. Такая возможность открывается только с выходом на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель ВЭС (см. ниже).*

Если посмотреть на современную структуру нашего импорта, то в ней наибольшая доля приходится на машины, оборудование и продовольствие (табл. 5, см. Приложение № 1).

Вместе с тем в целом доля поставок машин и оборудования для машиностроения в объёме импорта машиностроительной продукции сравнительно невысока и составляет около 8%.

Более развёрнутая, ситуационная внешнеторговая картина России на рубеже столетий представлена в работе *Сельцовского В.Л.* Экономико-статистические методы анализа внешней торговли¹.

¹ См.: *Сельцовский В.Л.* Экономико-статистические методы анализа внешней торговли. М.: Финансы и статистика, 2004. С. 279–311.

II. СМЕНА АКЦЕНТОВ И ПРИОРИТЕТОВ ВЭС: ОТ ТОРГОВОЙ ЭКСПАНСИИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ

Открывшаяся на переломе веков реальная внешнеторговая картина, привела к осознанию: 1) необходимости формирования нового вектора во внешнеэкономическом сотрудничестве с внешней сферой и 2) новой роли внешнеэкономических связей в решении стратегических задач долгосрочного плана.

Необходимость формирования нового вектора внешнеэкономического сотрудничества вытекает из понимания того, что, во-первых, повышение экономической эффективности внешней торговли на основе увеличения в экспорте доли товаров с более глубокой степенью промышленной обработки, прежде всего, машиностроительной продукции и оптимизация импорта является одной из самых актуальных и сложных проблем развития внешнеэкономических связей России, а, во-вторых, стало ясно, что *«снять» первоклассную продукцию для экспорта с устаревшей производственно-технологической базы – невозможно.*

Пути выхода из внешнеэкономической ситуации обозначились по четырём направлениям:

Первое. Ускоренный выход на новый уровень развития – постиндустриальную модель и адекватную ей национальную систему внешнеэкономических связей. Речь идёт о создании принципиально новой технико-производственной и технологической инфраструктуры.

Второе. Стоит заменить не только промышленную инфраструктуру на новой основе, но и внести существенные коррективы в экономическую инфраструктуру.

Третье (самое главное). Необходимо поменять доктрину ВЭС – уйти от торговой и торгово-снабженческой модели ВЭС и перейти на производственно-инвестиционную (геоэкономическую) модель.

Четвёртое: Речь идёт о создании в стране новой среды – инновационной, формируемой на основе высокой роли знания, новых фундаментальных прорывов во всех сферах функционирования, **иными словами, изменении общественного сознания.**

Осознание новой роли системы внешнеэкономических связей национальной экономики явилось необходимым условием перехода на постиндустриальную модель развития в условиях неуклонного процесса глобализации во всех сферах деятельности. На этом следует остановиться несколько подробнее.

В зеркале внешнеэкономических связей отразились все компоненты глобальных сдвигов мировой системы (прежде всего, выход на авангардные позиции инновационно-инвестиционного процесса), а также новые возможности их учёта при формировании национальной внешнеэкономической политики и стратегии исходя из геоэкономической парадигмы как центрального вектора процесса глобализации и современного этапа в развитии техногенной цивилизации – мир вступил в широкоформатную модель постиндустриализма. Её проявления: переход к обществу знаний на базе бурного развития высоких информационных технологий. Это в свою очередь вызвало к жизни колоссальный инновационный всплеск во всех сферах общественных отношений и функционирования национальных и мировых институтов.

Инновационная составляющая, преломляющаяся через призму, национальной системы ВЭС, высвечивает следующие фундаментальные (основополагающие) блоки:

Первый. Глобальные сдвиги в мировой системе, если преломить их через экономическую составляющую, привели к формированию новейшей мировой экономической популяции – геоэкономики и геоэкономического подхода (геогенезиса) как объёмно-пространственного и сетевого отображения современной мировой системы. Мировая и национальные системы ВЭС ярко отображают становление и развитие геоэкономики с её новейшими атрибутами, целевыми установками, мотивациями и стимулами, механизмами выхода на мировую хозяйственную арену различных субъектов мирохозяйственного общения: «стран-систем», наднациональных структур, национальных экономик и их хозяйствующих субъектов.

Второй. Геоэкономика есть продукт нового знания: она зародилась как инновация в осмыслении глобальной трансформации мировой системы. В силу этого инновационная составляющая пронизывает геоэкономическую во всех её сферах (отображениях): производственно-технической, технологической, институциональной (функциональной и организационной) и т. д. Здесь центральная геоэкономическая тенденция – идёт создание инновационной среды, через интернационализацию знаний: инновационные процессы в мире теснейшим образом увязаны с интернационализацией знаний, они тесно взаимообусловлены и переплетены¹.

Геоэкономика выводит систему ВЭС на новый уровень: в руках новых игроков на мировой арене, в т. ч. государств, выступающих в качестве глобальных предпринимателей, новейшие статьи обмена – «нетоварные» и «товарные», зарождающиеся в эпоху инновационного бума, начиная с 90-х годов прошлого века.

Третий. Институционализация инновационной национальной системы: здесь в поле зрения – образцы кластерно-сетевого моделирования, формирования различных структур инновационного типа, роль и место транснациональных систем в развитии инновационной среды ВЭС².

Четвёртый. Российский высокотехнологичный промышленный сектор должен быть нацелен на широкоформатный выход на мировую арену – интенсивное создание инновационного задела есть предпосылка активного освоения геоэкономического пространства³.

Пятый. На «хозяйственной карте» мира уже реально просматривается контур российских инновационных ареалов и геоэкономических векторов инновационного развития России. Это вытекает из самой логики мирового развития, формирования геоэкономического атласа мира и его инновационной «страницы»⁴.

¹ Эта ситуация блестяще показана в работе д.э.н. Е.В. Сапир (см.: Сапир Е.В. Интернационализация знаний и инновационная безопасность (в контексте геоэкономики и глобалистики) // Безопасность Евразии. 2007. № 4.

² Здесь следует отметить авангардные разработки российских исследователей (см.: Пилипенко И.В. Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов // НАВИГУТ. 2003. № 4; Кутьмин В. Проблема нейросетевой кластеризации крупнейших предприятий России в рамках построения национального геоэкономического промышленного атласа // НАВИГУТ. 2003. № 4; Фролова Е.Д. Функционирование индустриального района в глобальном геоэкономическом пространстве: инфраструктурный аспект. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2007; Кочетов Э.Г. Российский интеллектуальный подъём: формы, маршруты, этапы (к вопросу о механизме «работы» парадигмальной связки «геоэкономика→глобалистика→гуманитарная космология»). Тематический выпуск. М.: НАВИГУТ. 2007. № 2; его же: Россия в поисках нового знания и включения его в образовательный процесс // <http://civilg8.ru/other/economics/php> и др.

³ Механизмы инновационного прорыва всесторонне проанализированы в фундаментальной монографии М.А. Бендикова и И.Ф. Фролова (см.: Бендикова М.А., Фролов И.Э. Высокотехнологичный сектор промышленности России: состояние, тенденции, механизмы инновационного развития. М.: Наука, 2007. 583 с.).

⁴ См. подробнее: Кочетов Э.Г. Геоэкономический атлас мира как логистическая система нового класса // Безопасность Евразии. 2001. № 3; География инновационной сферы мирового хозяйства / Под ред. Н.С. Мироненко. М.: «Пресс-Соло», 2000. 384 с.

Дальнейшее развитие внешнеэкономического сектора российской экономики и повышение его конкурентоспособности и эффективности во многом связано с перенесением центра тяжести во взаимодействии с мировой хозяйственной системой на инновационный (несырьевой) сектор экономики, что диктует необходимость ускорения развития национальных высокотехнологичных, наукоёмких и интеллектуальноёмких сфер. Сейчас это одна из важнейших стратегических задач государства, решение которой позволит не только преодолеть сложившиеся структурные деформации в экономике, но и во многом затрагивает вопросы геоэкономической безопасности нашей страны.

В этой связи существенно повышается роль внешнеэкономических связей по привлечению и эффективному использованию зарубежных инвестиций и высоких технологий для обустройства национального инновационного сектора, реализации на этой основе совместных международных проектов и программ.

Через внешнеэкономические связи, используя, с одной стороны, гигантскую информационную базу (интернет), а с другой – разветвлённую сеть внешнеэкономических структур, встроенных как в национальную, так и в мировую экономическую систему, мы имеем возможность проследить за реальными мировыми инновационными процессами, с тем чтобы проводить своевременный учёт этих процессов при формировании социально-экономической стратегии национального развития.

Стало возможным вычленять (стратифицировать) во внешней системе первоклассные образцы организационно-функциональных структур инновационного плана и в дальнейшем их опыт функционирования использовать при модернизации национальной экономической, хозяйственной, социальной и др. инфраструктур¹. Это даёт возможность *формировать национальное инновационное «поле», адекватное мировому*. В этом залог сопряжения, успешного встраивания различных национальных хозяйствующих субъектов в мировую систему, что создаёт условия для реального взаимодополнения при выходе на формирование новейших мировых и национальных ареалов (точек) роста, поиска и отладки механизмов совместной инновационной деятельности.

Итак, к середине 90-х годов пришло осознание необходимости кардинального слома сложившейся ситуации во внешнеэкономической политике и стратегии. Нужно было обозначить ключевую фундаментальную проблему, разрешение которой дало бы толчок по выходу не только на новый уровень внешнеэкономической политики и стратегии, но и послужило бы базой формирования новейшей парадигмы развития России и качественно новой модели её общения с внешней средой. Такая фундаментальная постановка вопроса и поворот во внешнеэкономической стратегии были сделаны в Послании по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию² (июнь 1996 г.): «Остро встает

¹ Такая развёрнутая стратификация с характеристикой инновационных структур дана в монографии Е. Сапир (см.: Сапир Е.В. Геоэкономическое измерение локальных систем: теория и методология глобально-локального анализа. Ярославль, гос. университет. Ярославль: 2004. С. 97–239).

² Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М.: 1996. С. 28. В подготовке Послания принимала участие рабочая аналитическая группа при помощнике Президента Российской Федерации по национальной безопасности, в состав которой вошли специалисты из различных структур и ведомств (С.Ф. Викулов, С.М. Рогов, Г.М. Сергеев, А.А. Коновалов, А.И. Владимиров, Е.М. Кожокин, С.А. Караганов, Э.Г. Кочетов, В.З. Дворкин, С.К. Ознобищев, М.С. Виноградов, Л.Н. Вдовиченко, и др.). Координатор работы и руководитель коллектива – известный российский политолог и специалист в области безопасности С.В. Картунов.

вопрос разработки и принятия новой национальной внешнеэкономической доктрины и стратегического арсенала ее реализации, перехода на геоэкономическую (производственно-инвестиционную) модель внешнеэкономических связей». (Развёрнутый вариант и смысл этой установки приведён во Вставке 1).

Таким образом, впервые чётко и ясно обозначилась острая **необходимость отойти от торговой и торгово-посреднической моделей внешнеэкономических связей, вогнавших экономику России в глубокий структурный кризис и перейти на геоэкономическую модель с её инновационно-инвестиционным характером взаимодействия с мировой хозяйственной системой, с выходом на межконтинентное (межкорпорационное) разделение труда.**

Выход на новую доктрину внешнеэкономических связей в условиях глобализации и кардинальных постиндустриальных сдвигов, где центральным вектором глобального процесса выступает его экономическая составляющая – геоэкономика и геоэкономический подход к оперированию на мирохозяйственной арене, открывает новую страницу во внешнеэкономической политике и стратегии российского государства. К середине 90-х (к моменту обозначенной в Послании доктрины ВЭС) российская интеллектуальная мысль уже накопила к тому времени свои отечественные фундаментальные разработки в области формирования геоэкономической модели ВЭС, что, *во-первых*, заложило основу российской школы геоэкономики и глобалистики, а, *во-вторых*, послужило основанием для вышеотмеченной фундаментальной (доктринальной) установки Послания Президента Российской Федерации.

Так, в начале 80-х годов прошлого столетия была выдвинута фундаментальная интеллектуальная новация, теоретически и методологически осветившая тренды в развитии мировой системы, а именно начало радикальной трансформации общественного разделения труда, в основе которой зарождение и развитие нового пульсирующего стыка (границы) разделения труда, с новыми субъектами мирохозяйственного общения – производственно-коммерческими агломерациями (ПКА)¹, новыми товарными формами и эффектами. Был открыт путь в новейшую отрасль гуманитарного знания – геоэкономике, формирование российской геоэкономической школы². Геоэкономика выступила как новый горизонт для междивизиационного

Подготовка раздела, связанного с внешнеэкономической политикой и стратегией, была поручена автору этой статьи, во исполнение поручения была подготовлена развёрнутая аналитическая записка «Россия в геоэкономической системе координат XXI века: новые горизонты (ориентиры – доктрина – стратегия)» (на 62 стр., направлена в Аналитический центр по социально-экономической политике, главному аналитику, д.э.н., профессору С.Ф. Викулову), на основании её были сформулированы «Внешнеэкономические задачи» (см. вставку 1). «Внешнеэкономические задачи» были трансформированы в вышеуказанную фундаментальную установку Послания (подробнее см.: *Кортунов С.В.* Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. С. 522–548).

¹ См.: *Большакова И.И., Кочетов Э.Г.* Транснациональные концерны и международное разделение труда // Две системы мирового хозяйства: антагонистическое единство / Под ред. Э.П. Плетнева. М.: Международные отношения, 1983. С. 101–104.

² За прошедшие четверть века геоэкономика прошла большой путь своего становления. Появились монографии, учебники, словари, учебные программы, сформирована региональная общественная организация «Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики» и т. п. Так, Российская академия наук в 2003 г. выпустила актуальную фундаментальную монографию «Высокотехнологичный комплекс России» в двух частях. М.: МГФ «Знание» (серия «Безопасность России. Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты»). Авторский коллектив – выдающиеся учёные, академики РАН В.Л. Макаров, Л.И. Абалкин, Д.С. Львов, В.И. Маевский, Н.Я. Петраков, К.В. Фролов; члены-корреспонденты РАН Б.Н. Кузык, Б.В. Замышляев, Н.А. Махутов, д.э.н. Н.В. Абросимов, д.т. н. О.М. Ковалевич. Они отдали дань геоэкономике, буквально дословно воспроизведя в разделах 1.2 и 1.4 авторскую терминологию и геоэкономические тексты 1994–1996 гг., опубликованные в журнале «Безопасность России».

глобального договора (диалога). Здесь мы уже обладаем научным заделом: российская высокая интеллектуальная мысль впервые в мировой и отечественной научной практике осознала тренды мирового развития и выступила с рядом глобальных инициатив в рамках нового вектора мирового развития. Его суть – вступление мира в эпоху смены геополитических воззрений на геоэкономические. *Открылось новое поле договорённостей по реализации общего интереса.* Геоэкономический подход (геогенезис) получил глубокое теоретическое и методологическое обоснование (см. далее). Сформирован каркас миропонимания на базе новейших понятий, категорий, смыслов. Здесь свои особенности и исторические вехи.

Вставка 1.**Внеэкономические задачи***

Система внешнеэкономической безопасности России учитывает складывающуюся ситуацию в мировой экономической системе: а) национальные экономики переходят на новую модель взаимодействия, не торговую, а воспроизводственную (геоэкономическую); б) идет реструктуризация мировой системы – с распадом СССР, СЭВ, ОВД она пришла в движение, ищет новую точку равновесия.

К такой ситуации Россия оказалась не подготовлена: национальная система внешнеэкономических институтов не соответствует мировым тенденциям – она базируется на устаревшей торгово-посреднической (с рудиментами снабженческо-сбытовой) доктрине и в силу этого не способна решать стратегические задачи в процессе встречного движения к мировому равновесию. Здесь нужны новые, геоэкономические подходы:

вхождение в мировые интернационализованные воспроизводственные ядра (циклы), обеспечивающие доступ к формированию и перераспределению мирового дохода;

оперирование не на мировом рынке, а на геоэкономическом атласе мира (в т. ч. национальном геоэкономическом атласе): транснационализация перекроила политическую карту мира, возникло новое, геоэкономическое поле на котором национальные экономики разыгрывают свои стратегические карты, реализуют стратегические цели – с ясно очерченными международными и экономическими границами, национальными интересами, контурами стратегических альянсов, интеграционных и дезинтеграционных подвижек, экономических группировок (контуры геоэкономических плацдармов) и т. п.;

оперирование на геоэкономическом атласе требует активной, наступательной позиции в отличие от выжидательной (конъюнктурной) торговой тактики и соответствующих приемов: использования высоких геоэкономических технологий, векторной стратегии (стратегическое направление формирует соответствующую модель ВЭС), целенаправленного формирования геоэкономических ситуаций, отложенной внешнеэкономической контрибуции, стратегического зачета взаимных требований и т. д.

Воспроизводственная модель ВЭС требует перехода на соответствующую организационную и управленческую форму и методологический инструментарий.

С игнорированием новых внешних факторов нарастают угрозы национальной безопасности – национальная экономика попадает в полосу долговременного изматывания:

торговая модель, расширяя и культивируя структурно перекошенный товарооборот, в нарастающем темпе «вгоняет» экономику в структурный кризис, втягивает в него тяжелое машиностроение, транспорт, экологию;

подрывается ресурсная база национального машиностроительного комплекса и в том числе ВПК, идет деиндустриализация страны; мировые интернационализованные воспроизводственные циклы (ядра), подпитываемые через утечку финансов и внешнюю торговлю – российскими ресурсами, не допускают Россию в свои транснационализованные блоки, тем самым перекрывают доступ к мировому доходу,

в силу этого Россия вынуждена считать внешние кредиты заемными средствами, растет внешний долг, его покрытие требует наращивания сырьевого экспорта – экономика попадает в порочный круг.

Россия должна опередить события и успеть прийти к новому геоэкономическому равновесию в качестве сильного партнера, провозгласив свои национальные экономические интересы, спроецировать на геоэкономическом атласе мира стратегические цели, интеграционные альянсы, наметить геоэкономические плацдармы, не позволить «стереть» геоэкономическую «память».

* Раздел сформулирован доктором экономических наук Э.Г. Кочетовым на базе разработанной им геоэкономической парадигмы развития.

Источник: Кортунов С.В. Становление политики безопасности: Формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: Наука, 2003. С. 544.

ликованные в ведущих экономических журналах, в том числе академических. Геоэкономическая парадигма и российская геоэкономическая школа пробили себе дорогу – а это самое главное!

И действительно, обозревая картину послевоенного мира, научная гуманитарная мысль не могла не обратить внимание на процесс интенсивного выхода за национальные рамки воспроизводственных циклов, что положило начало формированию организационно-функциональных структур наднационального статуса. Зародились гибкие (пульсирующие) границы функционирования этих новейших игроков, – экономические, отличные от административно-государственных границ. Мир двинулся к транснационализации. Разрозненные национальные экономики и их хозяйствующие субъекты постепенно начали обретать новую платформу для сотрудничества – **общий интерес**. Таким образом, *геоэкономика на первоначальном этапе глобализации* дала мощный импульс к трансграничности других сфер гуманитарного знания. Геоэкономика разбила ячеистость нашего сознания, она разбудила и сподвигла гуманитарную науку на поиск новейших обобщающих концепций формирования современного мира – в социологии, политологии, культурологии, экологии, военной сфере и т. д., тем самым подвигла гуманитарную науку к новой отрасли знания – *глобалистике*, с набором в рамках её новейших геонаук – геологистики, геокультуры, геоинформатики, геомаркетинга, геостратегии и др. Именно геоэкономика подготовила площадку для междисциплинарного диалога, выдвигая на приоритетные позиции новейшие стимулы и мотивации к сближению народов – совместное формирование и совместное перераспределение *мирового дохода* как центрального атрибута геоэкономики и *общего интереса* как фундаментальной составляющей гуманитарной космологии¹.

Глобалистика как геоэкономика, как реальность не могла не спровоцировать другие отрасли гуманитарного знания к поиску своих пространственных ниш в осознании, восприятии и отображении нашего мира. Глобалистика подняла на высочайший пьедестал *категорию общности*, открыла шлюзы для обоснования, зарождения и развития новейших институтов общественного уклада в дополнение к геоэкономическим институтам. Глобалистика внесла свой вклад в дальнейшую разработку объёмно-пространственной методологии осознания, постижения и отображения нашего мира – геогенезиса.

На пути становления геоэкономической парадигмы огромные завалы: не так то просто расстаться с традиционным геополитическим мышлением в области ВЭС², но жизнь берёт своё – реальное, рациональное, «повседневное благое» имеет непреходящие ценности: «общий интерес» в поддержании жизни вывел мир к геоэкономическим воззрениям. Пример – Россия! Она смело восприняла геоэкономический вызов истории и стала на геоэкономический путь национального развития: двенадцать лет с момента теоретического и методологического обоснования «геоэкономического вызова»³ не прошли даром, получив закрепление на самом высоком государственно-доктринальном уровне в отмеченном выше Послании РФ по национальной безопасности⁴, через «необходимость разработки и принятия новой доктрины развития России в XXI веке и разработки стратегического арсенала ее реализации, исходя из общих тенденций геоэконо-

¹ См. подробней: Кочетов Э.Г. Гуманитарная космология. Дорога к новому Мирозданию новых людей. М.: Деловая литература, 2006.

² См.: Кочетов Э.Г. Слепление геополитикой. Глобализирующийся мир и евразийский континент у опасной развилки // Безопасность Евразии. 2001. № 4.

³ Кочетов Э.Г. Геоэкономический вызов России // Россия и современный мир. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, Институт международных экономических и политических исследований РАН, 1995. № 4. С. 162–192.

⁴ Послание по национальной безопасности Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. М.: 1996. С. 28.

мического развития»¹, до: «четвертый вызов – геоэкономический... Мало научиться производить продукцию .... Россия должна эффективно действовать в геоэкономическом пространстве»².

Российская школа геоэкономики и глобалистики (ведущие институты РАН и образовательные центры, Общественная академия наук геоэкономики и глобалистики, Центр стратегических исследований геоэкономики и др.) имеют уникальный научный задел, чтобы обеспечить теоретическое и методологическое сопровождение успешной реализации геоэкономической доктрины возрождения России, выхода её на дорогу к новому мирозданию – мирозданию нового Ренессанса.

Теперь для того, чтобы ясно представить теоретические и методологические основы современной внешнеэкономической политики и стратегии, сделаем краткий экскурс в суть геоэкономики и геоэкономического подхода к оперированию на мировой хозяйственной арене (об этом см. продолжение статьи в следующем номере).

Предварительные выводы

1. Россия выходит на оперативный хозяйственный простор. Речь идёт не только о функционировании на мировом товарном рынке и занятия на нём прочных позиций на конкурентоспособных для России нишах, но и (преимущественно!) оперировании на геоэкономическом (хозяйственном) атласе мира, где предполагается интенсивный и всё возрастающий обмен активами, включение в мировые интернационализированные воспроизводственные циклы в целях участия в формировании и перераспределении в пользу России мирового дохода. Иными словами, – стратегическая максима, – смена внешнеторговой доктрины ВЭД на геоэкономическую (всемирную транснационализацию хозяйственной деятельности).

2. Этим объясняется необходимость отхода от пассивной (конъюнктурной) тактики ВЭД (продиктованной торговой доктриной и её научной подосновой – конъюктуроведением и адекватно этому поведением на мировых товарных рынках) к долговременной активной и наступательной стратегии ВЭД, продиктованной геоэкономической, производственно-инвестиционной доктриной в целях закрепления ударных российских финансово-промышленных группировок стратегического статуса на мировом хозяйственном поле. Внешнеэкономическая экспансия России есть отображение естественного процесса оперирования во вне любой национальной экономики в условиях всеобъемлющего процесса глобализации. В этом плане Россия в своей внешнеэкономической деятельности принимает общепринятые правила мировой игры.

Узость мышления «внешнеэкономистов» старой микояновско-патолитчевской школы может дорого обойтись России: однажды они вогнали страну в жестокий структурный кризис. Их непонимание закономерностей глобализации, её механизмов и методов, нападки на новейшие научные дисциплины – геоэкономику, глобалистику и др., выстраивание барьеров на их пути в образовательную сферу ведут к формированию безжизненной, оторванной от реалий «стратегии», и не только консервируют отсталость России, но и создают препятствия в реализации национальных интересов в условиях глобализации. Внешнеэкономическая стратегия и политика не должны сводиться к конъюктуроведческим «экс-

¹ Совет Федерации. Вторая Всероссийская научная конференция «Россия – XXI век» М.: 2000. С. 170.

² План Путина – достойное будущее великой страны. Политический доклад Председателя «Единой России», Председателя Государственной Думы Б.Грызлова на VIII Съезде Партии (<http://www.edinros.ru/news.html?id=124222>).

портно-импортным» операциям с неконкурентноспособной продукцией, снятой с «коротких» воспроизводственных цепей, а должна, прежде всего, озаботиться всемерным наращиванием национальных воспроизводственных циклов за счёт активной, наступательной хозяйственной экспансии. Это – путь к постоянному обновлению экономической и производственной инфраструктуры, возможность получения первоклассной экспортной продукции (и не только для экспорта). Глобализация открывает такие возможности: выход на глобальные лидирующие позиции лежит через эффективное освоение геоэкономического пространства.

3. В своей внешнеэкономической стратегии Россия должна придерживаться гибкой смены своих устремлений в те или иные регионы, где формируются ареалы и точки мирового роста, своевременно переориентируя векторы и «перекладывая» внешнеэкономические сети. В этом отношении страны СНГ, Евразийская платформа в целом и её Центрально-азиатский регион представляют для России не только важнейшие направления своей внешнеэкономической стратегии, но выступают в качестве фундаментального условия дальнейшего развития России и превращения её в одного из глобальных мировых лидеров. При этом каждый ареал внешнеэкономического функционирования России несёт в себе определённую окраску специализации. США, Китай, Индия, Западная Европа, Япония, Арабский мир, страны Латинской Америки и др. выступают в качестве носителей тех или иных конкурентоспособных звеньев глобальных воспроизводственных циклов («государство как глобальный предприниматель»!). Это создаёт огромный веер возможностей и ориентиров для ВЭД в целях развития тех или иных национальных секторов экономики на самом высоком мировом инновационном уровне. Так, например, постепенно будет нарастать «специализация» сотрудничества с Западной Европой, где во внешнеэкономической деятельности России будет «...доминировать получение современных технологий и принципов управления бизнесом... и предполагается достаточно активный обмен активами, что позволит нашим ведущим компаниям уверенно чувствовать себя на западных рынках»¹. Одновременно с этим мощно начинают проявлять себя внешнеэкономические векторы «Россия – Китай», «Россия – Индия», «Россия – страны Латинской Америки».

4. «Правительство в долгу перед российским бизнесом, работающим на свой страх и риск за рубежом»². Со стороны государства российским финансово-промышленным группировкам стратегического статуса, которым делегируется реализация национальных геоэкономических интересов России, следует оказывать всемерную помощь и преференции различного характера (предоставление гарантий по экспорту, отработка механизма страхования инвестиций за рубежом, защита совместно возведённых объектов Силами быстрого геоэкономического реагирования и т. п.)³.

5. Геоэкономика выбила из оснований «торговой, экспортно-импортной, доктрины ВЭС» её основополагающую категорию – «международное разделение труда», чему свидетель принятая «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года», заменив её на «мировое разделение труда», но автаркическая патологическая модель ВЭС затаилась в складках концепции и ждёт своего часа.

¹ Независимая газета, 2008. 26 октября. С. 4.

² Там же.

³ Окончание статьи см. в журнале: «Безопасность Евразии». 2009. № 1.